

Раздел 5
Проблемы изучения этнокультуры
в современном гуманитарном познании

УДК 811. 512. 145

Ш. Б. Абдурашитова

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ГНЕВ»
В КРЫМСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

В настоящее время в ряде работ представлены результаты анализа тех или иных концептов. Исследователи В.Н. Телия, Н.Д. Арутюнова, Н.А. Лукьянова, С.Г. Воркачев, В.И. Шаховский, Н.А. Красавский, Е.Ю. Мягкова, А. Вежицкая и др., особое внимание уделяют эмоциональным концептам, восходящих «к архетипическим началам в языковом сознании человека и отражающих специфику национальной концептосферы» [2, с. 128].

Исследование направлено на изучение концепта «гнев» в крымскотатарском языке. Актуальность работы определяется необходимостью изучения данного эмоционального концепта, как одного из базовых составляющих эмоциональной картины мира. Новизна работы состоит в том, что гнев не исследовался на материале крымскотатарского языка как ментальное образование, «отмеченное этнокультурной спецификой» [4, с. 51]. В рамках исследования ставится следующая цель: выявить особенности вербальной представленности концепта «гнев» в крымскотатарском языке.

Существуют различные подходы к анализу концептов. Мы применим следующие, наиболее активно используемые методики:

а) анализ лексической сочетаемости слов-репрезентантов концепта, проводимый обычно на материале художественных текстов;

б) анализ материала паремий и фразеологизмов, который позволяет раскрыть национально-культурное своеобразие соответствующих концептов.

Материалом для анализа являются тексты художественной прозы крымскотатарских авторов XX века, пословицы и фразеологические единицы.

В силу абстрактности гнева для описания семантической структуры данного концепта могут использоваться только метафоры, которые представляют собой «наглядное моделирование чувственно невоспринимаемых сущностей» [4, с. 115]. Именно они исполняют роль призмы, позволяющей воспринять абстрактное, познать внутренний мир человека.

Для метафор характерна антропометричность, которая «выражается в том, что сам выбор того или иного основания для метафоры связан со способностью человека соизмерять все новое для него (в том числе и реально несоизмеримое) по своему образу и подобию или же по пространственно воспринимаемым объектам, с которыми человек имеет дело в практическом опыте» [9, с. 7]. Таким образом, метафора отражает культурные ценности народа и позволяет изучить культурно-национальное мировидение.

Метафорическое описание концепта «гнев» в крымскотатарском языке связано с человеком/животноподобным поведением данной эмоции. *Олегни ачув ве чаресизлик богъа* [13, с. 171]. «Олега дупшат гнев и безысходность». *Алим чет-буджакъ шейлер акъкъында ойлант, сабадан къозгъалгъан ачувыны ятыштырды* [10, с. 376]. «Думая о разном, Алим подавил в себе гнев, бушевавший в нем с утра». Подтверждение тому, что гнев может «возвращаться», «выходить», «успокаиваться» находим на материале крымскотатарских фразеологизмов, собранных У.Курджи: *Ачувынь къайтмакъ (ачувынь ятышмакъ)*. *Иымшамакъ, тынчланмакъ, окенъ битмек*. «*Ачувынь тутмакъ (ачувынь чыкъмакъ)*. Табиатсыз, къуйпа адамнынъ небетгеки къызышмасы, анъсыздан сертейип торсланмасы, асабийлешмеси; ачувланмакъ [8, с. 139]. Примеры подтверждают, что на гнев можно «наступить», «выпустить» его, «ходить» к нему: *ачувынья басмакъ*. *Бирисини махсус асабийлештирмек, джаныны сыкъмакъ, эриштирмек, къашанмакъ*. *Ачувыны чыкъармакъ*. *Ачувландырмакъ, ачувыны къозгъамакъ*. *Ачувынья кетмек*. *Бирисинден, бир шейден разы олмамакъ; ичинден озъ-озюне сертеймек, къызышмакъ, ачувланмакъ* [8, с. 139].

Фразеологизм «*ачувыны алмакъ*» – «*брать гнев*» (дословно) – используют при вымещении гнева на ком-либо: *О терс сёз айтып, Самедден ачувыны алмагъа истеди* [14, с. 106]. «Грубостью он хотел выместить гнев на Самеддене». *Сизлерден, падиша акимлеринден, бей ве мырзалардан ачувыны аладжакъ экен* [10, с. 305]. «Он собирается выместить гнев на вас, правителях, беях, мурзах».

Описание гнева строится и на основе других метафор:

а) гнев – жидкость: *Къайнана озъ ачувыны келиннинъ устюне тётти, лякин бунынънен де юреги бошмады* [12, с. 66]. «Свекровь излила свою злость на невестку, но её сердце этим не успокоилось». *Къалбинде ачув далгъалары къабарды, ташты* [14, с. 161]. «В его душе вздымались и вскипали волны гнева»;

б) гнев – огонь: *Исправник койлюернинъ мыскылы юзюндеки тебессюмни корип, ачувнен аевленсе де, бойле бир баланен давалашып озюни масхара этмек истемеди* [10, с. 158]. «Исправник, увидев на лицах селян насмешливые улыбки, хоть и воспламенился от гнева, не захотел унижать себя, споря с ребенком». Следующие фразеологизмы так же подтверждают данную мысль: *Аевленип кетмек, туташып кетмек* – бирден къызышмакъ, къарарсыз асабийлешмек, океленмек [7, с. 134]. *Атеш пуськюрмек* – окели-окели къычырыкъламакъ, къоркъутмакъ; къутурыджасына къызмакъ [8, с. 138]. (Досл.: *аевленип кетмек, туташып кетмек* – воспламениться; *атеш* – огонь, *пуськюрмек* – прыскать.);

в) используются конструкции, в основе которых лежит метафора: гнев – твердое вещество: *Хошнутсызлыкъ, ачув, кин онынъ къальбинде зр вакъыт таш олып къатып къалса да, ич бир вакъыт тышкъа чыкып, озюни аркетте косьтермей эди* [10, с. 8]. «Недовольство, злость, гнев, камнем застывшие в его сердце, никогда не обнаруживали себя». *Онынъ юзюнде къатиет, козьлеринде исе ачув къатып къалгъандай эди* [11, с. 85]. «Казалось, что его лицо выражает категоричность, а глаза – застывшую злость».

Как правило, гневу приписывается отрицательная оценка. Данная эмоция противопоставляется уму. Человек в этом состоянии не способен рассуждать, объективно оценивать ситуацию: *Ачув – душман, акъыл – дост* [1, с. 34]. «Гнев – враг, ум – друг». *Ачув кельсе, акъыл кете* [1, с. 34]. «Когда приходит гнев – ум уходит». Для человека в гневе характерна потеря самоконтроля: *Бу ал къадыны иддетлендирди, о, озюни унутып, эйиликке кемлик косьтерген, «чингене торбасындан тюшкен» Ресуль эфендини догърудан-догъру сожъакъ сёгюшинен сёгди* [10, с. 15]. «Эта ситуация разгневала кадия, он, выйдя из себя, обругал неблагодарного, безродного Ресуль эфенди грубыми словами». *Ач – чокъ ашар, ачувлы – чокъ сёйлер* [1, с. 34]. «Голодный много съест, злой много скажет». Может привести к состоянию безумия:

Яныкъсырап, шаималап къалгъан Мемиш агъа ачувындан къутургъан бир алгъа келип, аля даа азбар ичинде чапкъаламакъта, тыныш алмадан къаралты халкъы устюне окюрмекте, сёгюкмекте эди [10, с.175]. «Не выпавшийся, растерянный Мемиш ага, охваченный гневом, всё ещё бегал по двору, беспрестанно кричал на окружающих». Гнев является взрывоопасным: Айдавджы ачувындан патлайяэды, къаршысындаки, йипек халатлы ханымны яхшы этип сёгмек истеди, лякин Сание аптени ынджытмакътан сакъынды, онынъ хатири ичюн сусмагъа меджбур олды [12, с. 55]. «Водитель, чуть не лопнувший от злости, хотел было обругать женщину в шелковом халате, но, опасаясь обидеть Сание апте, был вынужден замолчать». «Генерал», адынен айткъанда, Саранынъ агъасы Юсуф, ачувындан патламакъ дереджесине кельген эди [10, с. 216]. «Брат Сары Юсуф, названный «генералом», чуть не взорвался от гнева». Поэтому желательно контролировать, подавлять эмоцию: Ачувынъ чыкъкъанда аякъта исенъ – отур, ачувынъ къайтмаса – ят! [1, с. 34], «Если ты охвачен гневом – сядь, если гнев возвращается – ложись», т.к. она несет опасность для здоровья человека. Умеющий контролировать гнев будет здоров: Озь ачувыны енъген чокъ яшар [1, с. 115]. «Поборовший свой гнев, будет долго жить».

Гнев отражается в глазах: Онынъ козьмеринде нефрет, кин бар эди [13, с. 113]. «В его глазах была ненависть и злость». Эмин онъа бир ан ачув толу козьмеринен бикъты, сонъра къалуны тарс этип къапатты ве басамакълардан ашагъы чапыт кетти [12, с. 102]. «Эмин взглянул на него/неё глазами, полными гнева, затем резко хлопнул дверью и побежал вниз по ступенькам».

Как «тайное» место «пребывания» гнева можно указать на сердце: Хошнутсызлыкъ, ачув, кин онынъ къальбинде эр вакъыт таш олып къатып къалса да, ич бир вакъыт тышкъа чыкъып, озюни арекетте косътпермей эди [10, с. 8]. «Недовольство, злость, гнев, камнем застывшие в его сердце, никогда не обнаруживали себя». Следует отметить, что сердце является «вместилищем» и других эмоций: Шейде барда онынъ бутюн шубелери дагъыла, севгисининъ темиз олгъанына ишана. Шейде ёкъда исе юрегине кене шубелер сокъулып кире эди (11, с. 86.) «Когда Шейде рядом, его сомнения рассеиваются, он верит в чистоту любви. Когда её рядом нет – в сердце вновь закрадываются сомнения». Бу севги юрегинде бутюн вакъыт гизленип турды [14, с. 162]. «Эта любовь постоянно таилась в его/её сердце».

Гнев, возрастая, может не вмещаться в груди: Алимнинъ ачувы кокюсине сыгъмай, тышкъа чыкъмагъа, пушка киби патламагъа азыр экен [14, с. 7], («Гнев Алима не вмещается в груди, готов выйти наружу и лопнуть, как пузырь»), «подступает к горлу»: Эеджанлы Саранынъ чылгъынлыкънен янъгырагъан кесен-кес давушындан урккен Бабаджаннинъ тили тутулды, богъазына тирельген ачувындан айтмагъа сёз тапалмады [10, с. 243]. «У Бабаджана, испуганного от звонкого, решительного голоса взволнованной Сары, отнялся язык, из-за сжавшего горло гнева он не нашелся что сказать». (Досл. Тирельмек – быть подпертым). Ачувы богъазына келип етсе де, агъзыны ачмады, къолларыны ойнатмады, ердеки балчыкъ пислигине мылангъан киби, аякъларыны бек тутты [10, с. 203]. «Несмотря на то, что гнев подступил к горлу, он промолчал, не дал волю рукам, не сдвинулся с места, словно был пригвожден к грязной глине».

Анализ фактического материала выявил следующие физиологические признаки гнева у человека.

Изменение цвета лица:

- Ишинъ олмасын, къарышма! – деди ачувындан къызарып-бозаргъан ве бу хаберден эли-аягъы къалтырагъан Джелял мырза еринден котерилип [10, с. 366]. «Не твое дело, не вмешивайся! – сказал покрасневший от злости, дрожащий от этой новости всем телом Джелял мырза, вскочив со своего места». Даа деми кульмектен ичеклери узюлеяткъан Ибраим байнынъ чырайы да ачувындан чукъурдаки Бенсеит акъайнынъки киби ап-акъ олды [10, с. 203]. «Лицо у только что хохотавшего Ибраим бая от злости

стало таким же белым, как у Бенсеита, оказавшегося в яме». *Ачувьндан юзю топрак ренкинни алды* [14., с. 165]. «От злости лицо приобрело землистый цвет».

Покраснение глаз:

Козьлери кызаргъан, череси топрак кесильген Эмин анасына ачувнен тикленип бакъты, озюни тутмагъа тырышкъан алда:

– *Ана, бойле шейни бираз тюшюнип айтырлар...* [12, с. 102]. «Эмин, с покрасневшими глазами, с лицом землистого цвета, со злостью пристально взглянул на мать и, сдерживая себя, сказал: – Мама, прежде чем сказать такое, следовало бы подумать».

Дрожь тела:

Ачувьндан дыр-дыр кьалтырады [10, с. 325]. «От злости его затрясло». *Ниярнынъ ачувьндан эли-аягы кьалтырады* [12, с. 123]. «У Нияры от злости тряслись руки-ноги». *Сердар сытма туткъан киби кьалтырай, козь къапакълары секире, богъазыны недир эп сыкъа – бутюн омюри бою топлангъан ачув ве нефрет артыкъ оны богъа эди* [11, с. 121]. «Сердар трясется, как в лихорадке, веки дергаются, что-то сжимает горло – гнев и ненависть, колывшиеся в нем всю жизнь, душат его».

Затрудненное дыхание:

– *Сен... сен... – кьычырды усталар башы, лякин бутюн барлыгъыны къаплагъан афакъаньндан нефеси тыйылып, озюдай уфачыкъ шамарыны саллай-саллай Алимге къаршы адымлады* [10, с. 203]. « – Ты... Ты... – закричал старший мастер, однако у него из-за гнева, охватившего все его существо, перехватило дыхание, размахивая маленькой ладошкой, он двинулся в сторону Алима».

Исходя из анализа практического материала, где представлен концепт «гнев», сделаем следующие выводы.

1) В силу абстрактности понятия гнев для описания данного концепта используются метафоры. Основные метафоры, вокруг которых строится описание: гнев – живое существо, гнев – жидкость, гнев – огонь, гнев – твердое вещество, сердце – «вместилище» гнева. Способность человека соизмерять абстрактные сущности по своему образу и подобию или же по объектам, с которыми он имеет дело на практике, явилась основанием метафорических переносов при описании данного концепта.

2) Основными признаками внешнего проявления гнева являются следующие физиологические изменения человека: изменение цвета лица, покраснение глаз, дрожь тела, затрудненное дыхание.

Литература

1. Аталар сѣзлери ве айтымлар. / Шевкет Асанов – Симферополь: Кырым девлет окъуу-педагогика неприяты, 2002. – 184 с.
2. Бородкина Г. С. Концепты «Angst» и «Freude» в семантическом пространстве языка (на материале немецкого языка и его австрийского варианта) // Вестник ВГУ, Серия “Лингвистика и межкультурная коммуникация”, 2004. – № 1. – С. 128 – 131.
3. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. / Пер. с англ. А. Д. Шмелева под ред. Т. В. Булыгиной. – М.: Языки русской культуры, 1999. – I-XII, 780 с.
4. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. – 236 с.
5. Красавский Н. А. Концепт ‘ZORN’ в пословично-поговорочном фонде немецкого языка // Теоретическая и прикладная лингвистика. – Выпуск 2. Язык и социальная среда. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2000. – С. 78-89.
6. Крымскотатарско-русский словарь. / Сост.: Усеинов С.М. – Тернополь: СМНВП «Диалог», 1994. – 397 с.
7. Куркчи У. Сѣз бирикмелери // Йылдыз. – 1987. – № 1. – С. 127-135.
8. Куркчи У. Сѣз бирикмелери // Йылдыз. – 1987. – № 2. – С. 136-141.
9. Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // www.nspu.net/fileadmin/library/books/2/web/xrest/article/leksika/strukture/tel_art01.htm

Художественная литература

11. Болат Ю. Алим: Роман. — Ташкент: Эдебият ве санъат нешпріяты, 1980. — 424 с.
12. Осман А. Танъши козьлер: Икяелер. — Ташкент: Эдебият ве санъат нешпріяты, 1975. — 143 с.
13. Эдемова У. Баш язысы: Повесть ве икяелер. — Ташкент: Эдебият ве санъат нешпріяты, 1981. — 240 с.
14. Эмин С. Сенинг йылдызынг: Роман. — Акъмесджит: Таврия, 1994. — 239 с.
15. Папы И. Йылдызлы геджелер: Повестьлер. — Ташкент: Гъафур Гъулам адына Эдебият ве санъат нешпріяты, 1978. — 180 с.

Статья поступила в редакцию 16.03.2006 г.

□

УДК 398.21 (= 161.2):81'42

Л. Ф. Гуманенко

КОМПЛЕКСНИЙ АНАЛІЗ МОВНОЇ КАРТИНИ СВІТУ
В УКРАЇНСЬКІЙ ЧАРІВНІЙ КАЗЦІ

Спроби знайти спосіб проникнення в кодову систему народної казки й досягнути закони збереження найдавніших знань здійснювалися неодноразово та пов'язувалися з особливостями мови усної народної традиції.

До сьогоднішнього дня не втратили свого значення розробки теоретичних питань народної прози, які здійснили І. Франко, М. Сумцов, М. Грушевський, М. Драгоманов, П. Чубинський, І. Вагилевич, Б. Грінченко, В. Гнатюк, М. Максимович, М. Костомаров.

Сучасні наукові розвідки Л. Дунаєвської, С. Єрмоленко, О. Бріциної, А. Поповського, В. Юзвенко, С. Лавриненко, В. Давидюка свідчать про те, що чарівна казка є одним із основних об'єктів дослідження мови фольклору і пов'язується з перспективою виходу на новий якісний рівень аналізу тексту.

Нестандартні принципи аналізу й типології народних казок ще в ХХ ст. запропонував український вчений Р.М. Волков, який вважав, що казковий сюжет є єдиною постійною одиницею, з якої можна розпочати вивчення тексту казки [1]. Враховуючи недоліки своїх попередників (змішування понять, казкових тем, які бралися за одиницю вивчення і порівняння), він визначав основні напрямки дослідження казки.

Вивчення казки слід розпочати з аналізу структури, форми, стилю. Розмежування казкової теми, мотиву і сюжету дасть можливість прослідкувати шлях від мотиву до сюжету та встановити певні типові засоби казкового стилю, без чого не можна чітко уявити саму структуру казки. При цьому варто обмежитися фольклорним матеріалом одного народу або групи споріднених чи сусідніх народів. Детальне вивчення казки одного народу при подальшому порівнянні з казками інших народів дозволить установити, що в казці запозичене, а що належить до національних надбань.

Р. Волков запропонував використовувати формули-схеми казкових тем, бо вважав, що формулу казки можна визначити з математичною точністю, значно важче «встановити той побут, який створив казку» [1, с. 197]. Отже, першочергові завдання при вивченні тексту народної казки пов'язуються з визначеннями: 1) що в казці відноситься до форми, стилю; 2) сюжетні схеми казок; 3) на основі сюжетних схем виділяються мотиви, з яких вони складаються.

Варто зазначити, що казкова фантастика сприймалася в народі як дійсність. Визначення всіх казкових мотивів дозволить підійти до того побуту, з якого брав початок той чи інший мотив, а це, у свою чергу, сприятиме встановленню хроно-